EDN: DUIHHC УДК 94(470/316)”19/20”

Проституция как социальный феномен в Костромской губернии: повседневные практики и общественное восприятие (вторая половина XIX – начало XX в.)

Карандашев Глеб Владимирович
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории,
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. Россия, г. Ярославль.
ORCID: 0000-0002-7499-9254. E-mail: karandashevg@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена изучению проблемы регламентации проституции в Костромской губернии во второй половине XIX – начале XX в. На основе неопубликованных архивных материалов и статистических источников реконструированы численность и состав женщин, промышлявших проституцией, устройство домов терпимости, а также организация врачебно-полицейского надзора.

Показано, что большинство зарегистрированных женщин являлись одиночками, а не работницами домов терпимости; сословный состав отличался преобладанием крестьянок и мещанок. Категория «публичной женщины» выступала не только клеймом, но и юридическим состоянием, закрепленным изъятием паспорта и еженедельными освидетельствованиями. Отмечены низкий образовательный уровень, ранний возраст обращения к проституции, а также высокий уровень заражений венерическими болезнями.

Надзор за проституцией в губернии усилился в 1852 г. вследствие исполнения указа «О мерах Врачебной полиции против любострастной болезни». Попытки преобразования медицинской части регламентации в начале XX в. не увенчались успехом – проект санитарного бюро и специализированной лечебницы остался нереализованным из-за проблем с финансированием. Всевозможные совещания периодически констатировали слабость и даже фиктивность надзора. Местная власть признавала его несоответствие современным требованиям. Проституция в Костромской губернии предстает социально-экономическим феноменом: государственный учет распределял женщин по категориям, за которыми стояли конкретные судьбы. При этом система надзора, сложившаяся в середине XIX в., сохранялась и в начале XX в.

Ключевые слова: Российская империя, Костромская губерния, проституция, полиция, дом терпимости.

Введение. Регламентация проституции в Российской империи берет начало с 1843 г. Она предполагала постановку публичных женщин на учет и их обязательное периодическое освидетельствование врачами. Целью этих мер было сдерживание распространения сифилиса. Устройство и порядок работы надзорных органов определялись либо общероссийскими столичными нормами, либо локальными правилами, издававшимися для отдельных городов и губерний [10]. Организация надзора за проституцией и формы взаимодействия местных властей по этому вопросу до сих пор изучены недостаточно и требуют дальнейшего исследования [11, с. 17]. Работа опирается на делопроизводственный комплекс Государственного архива Костромской области: циркуляры Министерства внутренних дел, задававшие общие принципы надзора, распоряжения костромского губернатора, обращения военного ведомства, переписку с местными административными учреждениями, протоколы заседаний врачебно-полицейских комиссий, а также статистические материалы. Среди опубликованных источников выделяются материалы издания Центрального статистического комитета МВД «Проституция по обследованию 1-го августа 1889 г.» [13] и «Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.» по Костромской губернии [12].

Одним из первых нормативных актов, институализировавших контроль над проституцией непосредственно в Костромской губернии, стал изданный костромским губернским правлением 26 ноября 1851 г. указ «О мерах Врачебной полиции против любострастной болезни», последовавший в исполнение предписания министра внутренних дел [2, л. 2]. Поводом послужило мнение министра, лично убедившегося «в крайне слабом со стороны местных начальств, мер Врачебной полиции» и в том, что циркуляры 1843–1844 гг. не приносили ожидаемого результата. Документ формулировал ключевую дефиницию, определившую всю по-

© Карандашев Глеб Владимирович, 2026

следующую практику учета: «чтобы во всех городах составлены были полные и верные списки публичных, т. е. обративших распутство в промысел, женщин». Именно этот признак – превращение занятия в источник средств к существованию – становился юридическим условием для причисления к разряду публичных женщин и сохранял силу на протяжении всего рассматриваемого периода. Ведение учета возлагалось на полицию; хранение списков предусматривалось в губернских городах при Врачебной управе, в уездных – при городской больнице. Внесенных в эти перечни женщин надлежало подвергать еженедельному освидетельствованию, а зараженных – «оставлять до излечения в больнице, бесплатно, какому бы ведомству не принадлежали» [2, л. 2].

Внимания заслуживает норма, предписывавшая: «чтобы от поступающих в больницы лиц мужеского пола, одержимых любострастной болезнью, отбирались показания о том, от кого они заразились. Сведения сии, сообщаемые полиции, должны служить ей указанием, к открытию, с должной осмотрительностью, женщин тайно промышляющих распутством». Указ требовал, чтобы «тщательно собраны были подробные сведения об одержимых любострастной болезнью сельских обывателях», а лица этого сословия, «оказывающиеся зараженными, должны быть немедленно устраняемы из семейств своих и отсылаемы в больницы до излечения» [2, л. 2].

24 января 1852 г. костромская городская полиция направила во Врачебную управу данные о женщинах, «в Костроме публично промышляющих развратом» [2, л. 10]. Первый обнаруженный в костромском корпусе список проституток включал девятнадцать имен с указанием сословной принадлежности (табл. 1). Наиболее многочисленную группу образовывали мещанки – восемь человек, две из которых были сестрами Пимановыми; солдатских дочерей числилось трое. Из церковнослужительской и чиновничьей среды происходили три женщины: «пономарская дочь» О. Блохина, «дьяческая дочь» П. Короницкая и «губернская секретарша» В. Ильинская [2, л. 11].

Отдельного пояснения требует учет крестьянок. М. Васильева была записана как «крестьянская девка костромского уезда казенной деревни Сухорукова»; А. Иванова – «крестьянская девка г. Энгельгарда»; А. Сорокина – «дворовая девка г. Бурановой». Особое место занимали две сестры Журавлевы, названные в источнике «девками, отыскивающими свободы из владения г. Вяхирева» [2, л. 11]. Подобная формулировка скорее не сословная, а юридическая, указывавшая на крепостных, находившихся в процессе выхода из владельческой зависимости. До отмены крепостного права крестьяне делились на помещичьих, государственных и удельных, причем помещичьи подразделялись на крестьян, занятых сельским хозяйством на барской земле, и дворовых, лишенных средств производства и обслуживавших личные потребности владельца [9, с. 14–30].

Таблица 1

Состав публичных женщин Костромы в 1852 г.[1]

Сословная группа	Численность	Доля (%)
Мещанки (в том числе «мещанские девки»)	8	42,1
Солдатские дочери	3	15,8
Крестьянские девки	5	26,3
Дочери низших церковнослужителей	2	10,5
Жена чиновника	1	5,3
Всего	19	100

В выявленном перечне публичных женщин Костромы 1883 г. учет велся по частям города, что свидетельствовало о переходе к более дробной организации надзора. По 1-й части Костромы записали тридцать женщин: мещанок – 12, крестьянок – 10, солдаток – 8; по 2-й части зафиксировали восемь: мещанок – 4, крестьянок – 2, солдаток – 1, дочь чиновника – 1 (табл. 2). Помимо проституток Костромской губернии, в списке фигурировала одна крестьянка из Московской и две из Нижегородской [ГАКО. Ф. 281. Оп. 2. Д. 825. Л. 13–15].

[1] Составлено и рассчитано по: ГАКО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 444. Л. 11.

Таблица 2

Состав публичных женщин Костромы в 1883 г.[2]

Сословная группа	1-я часть Костромы	2-я часть Костромы	Всего
Мещанки	12	4	16
Крестьянки	10	2	12
Солдатки	8	1	9
Дочь чиновника	–	1	1
Всего	30	8	38

Обследование 1 августа 1889 г. показало, что из 78 зарегистрированных в Костромской губернии женщин 55 человек (70,5 %) составляли «одиночки», а 23 (29,5 %) проживали в домах терпимости [13, с. 2]. Преобладали крестьянки и мещанки – 37 и 27 человек (вместе 82 %). Среди одиночек выделялись солдатки – 12 женщин (21,8 %) (табл. 3).

Таблица 3

Состав публичных женщин Костромской губернии в 1889 г.[3]

Сословие	В домах терпимости	Одиночки	Всего
Крестьянки	12 (52,2 %)	25 (45,5 %)	37 (47,4 %)
Мещанки	10 (43,5 %)	17 (30,9 %)	27 (34,6 %)
Солдатки	1 (4,3 %)	12 (21,8 %)	13 (16,7 %)
Дворянки и чиновницы	–	1 (1,8 %)	1 (1,3 %)
Всего	23 (100 %)	55 (100 %)	78 (100 %)

Средний возраст обитательниц домов терпимости составлял 23 года, одиночек – 25 лет [13, с. 2]. Основная масса – 20–30 лет; среди одиночек встречались женщины более старших возрастов. Большинство обращалось к проституции в 15–20 лет; отмечен случай начала в 14 лет [13, с. 54–55, 58–59]. Образовательный уровень был крайне низким: в заведениях 18 из 23 не получили никакого образования, среди одиночек – 51 из 55 [13, с. 48–49]. Медицинская статистика фиксировала высокий уровень инфицированности: в домах терпимости из 23 женщин 30,4 % имели заболевания (сифилисом – 6, иными венерическими – 1); среди одиночек из 55 человек – 69 % (сифилисом – 18, иными венерическими – 8, одновременно – 12) [13, с. 9].

В 1889 г. дома терпимости существовали лишь в Костроме и Кинешме; в остальных уездах проституция была представлена исключительно одиночками. В заведениях преобладали уроженки тех же мест – 14 против 9 приезжих; среди одиночек перевес еще значительнее – 48 против 7. Однако это распределение было неравномерным. В Костроме из 16 женщин домов терпимости 12 были местными, 4 – из других губерний; среди 19 одиночек местных насчитывалось 14, приезжих – 5. В Кинешме 5 обитательниц домов терпимости из 7 происходили из других губерний. В Галиче и Кинешме были отмечены и приезжие одиночки – по одной в каждом городе (табл. 4). Проституция в губернии носила преимущественно местный характер, но в крупных центрах она формировалась в том числе за счет притока из других губерний.

Таблица 4

Распределение публичных женщин Костромской губернии по городам и уездам в 1889 г.[4]

Город	В домах терпимости			Одиночки			Общее количество проституток
	Всего	Из них местных	Из них из других губерний	Всего	Из них местных	Из них из других губерний	
Кострома	16	12	4	19	14	5	35
Варнавинский уезд	–	–	–	8	8	–	8
Ветлуга	–	–	–	3	3	–	3
Галич	–	–	–	4	3	1	4
Кинешма	7	2	5	8	7	1	15
Макарьев	–	–	–	6	6	–	6
Нерехта	–	–	–	1	1	–	1
Юрьевец	–	–	–	6	6	–	6
Всего	23	14	9	55	48	7	78

[2] Составлено и рассчитано по: ГАКО. Ф. 281. Оп. 2. Д. 825. Л. 13–15.
[3] Составлено и рассчитано по: Проституция по обследованию 1-го августа 1889 года. 1890. С. 36–37.
[3] Составлено и рассчитано по: Проституция по обследованию 1-го августа 1889 года. 1890. С. 8–9.

Согласно Первой всеобщей переписи населения 1897 г., в губернии были зафиксированы 43 женщины, указавшие проституцию как основной вид занятий: Кострома – 29 женщин; Галич – 6; Кинешма – 4; Макарьев – 1; Чухлома – 1 и Юрьевецкий уезд – 2 женщины соответственно. Сокращение почти вдвое по сравнению с 1889 г. может объясняться как различием методик учета, так и действительным уменьшением числа лиц, официально причислявших себя к этому занятию. Концентрация в Костроме усилилась: 29 из 43 женщин (67,4 %) [12, с. 158–165].

Следующая обнаруженная точка статистического ряда – списки публичных женщин Костромы 1901 г. По 1-й части г. Костромы были учтены 24 женщины, среди которых зафиксированы три пары сестер: Цветковы, Дружинины, Кочкины [8, л. 3]. Наличие сестер в списке заслуживает особого внимания: проституция предстает не только индивидуальной стратегией выживания, но и семейным промыслом. По 2-й части зафиксировали 9 женщин в возрасте от 18 до 24 лет, все крестьянки кроме одной мещанки. География их происхождения охватывала Чухломской, Даниловский, Нерехтский, Костромской, Кологривский и Мологский уезды, а также г. Мологу Ярославской губернии [8, л. 12–13].

Практика открытия домов терпимости подлежала строгой регламентации. Так, 23 мая 1886 г. костромской полицмейстер выдал свидетельство ивановской мещанке У. Пиатровской на устройство «борделя для содержания женщин вольного обращения» [5, л. 19]. Разрешение обязывало: не передавать его другому лицу без предварительного разрешения; «не было допущено при этом никаких неблагопристойных поступков и разгула как со стороны посетителей так и самих женщин, а соблюдалось всем строгое приличие»; не менять квартиру без санкции полиции; строго выполнять выданные правила. Замыкалось все угрозой: «если замечено будет хотя малейшее нарушение этих правил, или обнаружатся в каком бы ни было виде действия противные приличию в самом помещении бордели, или вне нее явному соблазну и оскорблению нравственного чувства жителям, то заведение это тотчас же будет закрыто без права возобновить таковое на будущее время в Костроме» [5, л. 19].

Отдельные жители пытались извлечь доход из сдачи помещения под проституток. В июле 1893 г. 70-летняя костромская мещанка О. Захарова обратилась к полицмейстеру с прошением разрешить «временный впуск проституток, находящихся на Еленинской улице», в отдаленный флигель. Заявительница объясняла, что сын «находится в болезненном состоянии» и «никто из нас трудом силы заработать ничего не может». Разрешения не последовало. Полиция подобные попытки пресекала [7, л. 14–16].

Подлежали учету и так называемые меблированные комнаты для тайных свиданий. В августе 1901 г. парфентьевский мещанин И. Щербаков арендовал помещение в доме купца И. Зимина на Набережной ул. и пожелал «открыть Меблированные комнаты с допущением проституток» [8, л. 40]. Свидетельство, выданное городским полицейским управлением, разрешило учредить заведение на следующих условиях: содержать помещение в чистоте и с форточками для притока воздуха; вести списки проституток и «каждодневно к 9 утра сообщать полицмейстеру о всех в посетивших в течении минувшего дня»; предоставлять женщин к освидетельствованию в назначенный городовым врачом день и час; заразившихся отправлять «за свой счет на излечение в губернскую больницу»; наблюдать за тишиной и порядком, не торговать спиртными напитками; при нарушении правил полицмейстер «вправе немедленно закрыть вышеуказанный дом» [8, л. 41].

Согласно списку «притонов проституции (домов терпимости, меблированных комнат и гостиниц)» по Костромской губернии за октябрь 1913 г. в Костроме значились: дом терпимости крестьянки Владимирской губ. Е. Крюковой на Смоленской ул., д. 7, и дом терпимости крестьянки Костромского уезда В. Тимофеевой на Павловской ул., в доме Грязнова. Меблированные комнаты держала парфентьевская мещанка Т. Иванова; гостиницу и номера на Набережной ул., в доме наследников Полякова – крестьянин Тверской губ П. Плетнев. В Кинешме дом терпимости на Солдатской ул., в доме Тыквиной, имела могилевская мещанка А. Гликина и дом терпимости на Солдатской ул., в доме Калмыкова, – крестьянка Костромской губ. П. Белова [1, л. 16–20].

В январе 1904 г. губернатор Л. М. Князев предложил выработать по соглашению с губернским общественным управлением и представить на утверждение проект устройства «Бюро для заведывания санитарной частью надзора за городской проституцией». Поводом послужил циркуляр МВД, предлагавший привести «ныне действующие правила врачебно-полицейского надзора за городской проституцией» в соответствие с «Положением об ор-

ганизации надзора за городской проституцией в империи» от 8 октября 1903 г. Губернатор признавал «более целесообразным для городов Костромской губернии установить организацию надзора за проституцией <…>, по которому полицейская часть надзора остается в ведении местной полиции, а заведывание санитарной частью возлагается на местные общественные установления» [3, л. 1].

11 сентября 1904 г. при Губернской управе состоялось совещание представителей земства, города, полиции и врачей, одобрившее проект санитарного бюро. 16 сентября Губернская земская управа препроводила его в Городскую управу «для представления городской думе на обсуждение как проекта устройства бюро, так и относительно предполагаемого участия города в содержании его». Городская дума постановила «передать означенный вопрос на предварительное заключение Санитарно-Технической Комиссии» [4, л. 10–13, 20–20об.]. Журнал совещания уездного земского собрания 29 сентября 1904 г. зафиксировал конкретное финансовое решение: «Предложили внести в смету 800 руб. на помещение, особого врача и фельдшерицу» [3, л. 28].

Согласно заключению санитарно-технической комиссии от 4 февраля 1905 г., бюро учреждалось в Костроме с целью надзора «за санитарным состоянием проституток, домов терпимости, поднадзорных притонов» и включало члена городской управы, городского санитарного врача, врача, заведовавшего санитарным надзором за проституцией, и участкового санитарного врача Губернского земства. К предметам ведения были отнесены: «а) производство врачебных осмотров проституток, присылаемых комитетом на смотровые пункты, и организация на этих пунктах амбулаторного лечения проституток, страдающих сифилисом и венерическими болезнями; б) направление в больницу проституток, подлежащих больничному лечению, и осмотр их на пунктах в тот же день, по выписке их из больницы; в) сообщение полицейскому комитету о проститутках, уклоняющихся от врачебных осмотров; г) ведение санитарной статистики и отчетности по деятельности бюро и представление отчетов за каждое полугодие в местное Общественное Управление; д) наблюдение за санитарным состоянием домов терпимости, поднадзорных притонов; е) наблюдение за исправным содержанием и снабжением необходимыми принадлежностями смотровых пунктов (амбулаторий)». Смета: «единовременный расход на инструменты, приспособления и мебель до 300 р.»; «ежегодные на содержание бюро: жалованье врачу 1500 р., фельдшерице-акушерке 600 руб., на отопление и прислугу до 300 р. и 100 на пополнение инвентаря, всего же до 2500 р.». Комиссия признала «справедливым и желательным, если бы и город и земство приняли участие в несении расходов по устройству и содержанию бюро, – определение же размеров участия предоставить взаимному соглашению города и земства» [4, л. 24–25].

22 октября 1909 г. состоялось губернское совещание по вопросу организации надзора за проституцией под председательством губернатора А. П. Веретенникова, который «высказал, что значительное развитие сифилиса и венерических болезней в Костромской губернии находится отчасти в связи с слабым, если не фиктивным, надзором за городской проституцией, а в уездах такой надзор отсутствует, как это показал недавно обнаруженный случай заражения венерическими болезнями в чайной села Вичуги, где находились женщины вольного поведения, в качестве прислуги, не подчиненные врачебно-полицейскому надзору» [4, л. 32].

По собранным сведениям, «в городах Костромской губернии, принимая в расчет 1904, 1907 и 1908 годы, в среднем за год оказывалось зарегистрированных проституток 104, а именно: в домах 34, 54 одиночек и тайных 16. За последние годы замечалось 7 домов терпимости: в Кинешме 4, в Костроме 2 и в Пучеже 1; других притонов разврата было в прошлом году 2 в Кинешме». Одиночки регистрировались в 1907 и 1908 гг. в Костроме, Кинешме, Варнавине и уезде, в Галиче и Буе, «в остальных уездах Костромской губернии регистрация и осмотры проституток не производились, другими словами, надзора за проституцией не существовало» [4, л. 32].

Надзор за проституцией в губернии осуществляла полиция; освидетельствование проституток в Костроме производилось в домах терпимости городовым врачом, а одиночки осматривались врачами губернской больницы; в. Кинешме, Галиче, Буе и Пучеже обязанность эта лежала на земских врачах. Лечение зараженных проституток производилось в местных земских больницах, а в Костроме – в губернской земской больнице. В 1908 г. сифилис был обнаружен у 26 зарегистрированных проституток, а другие венерические заболевания – у 2. Существовавшая «организация надзора за проституцией в Костромской губернии руководится правилами, приложенными к циркуляру М-ва Внутренних Дел по Медицинскому Департа-

менту от 26 октября 1851 г.» [4, л. 32]. Совещание постановило учредить врачебно-полицейские комитеты в Костроме и во всех уездах губернии, надзор возложить на полицию, а санитарную часть предоставить ведению санитарного бюро [4, л. 32–33об.].

В ноябре 1909 г. Костромской врачебно-полицейский комитет обратился в Губернскую земскую управу, отметив, что «на обязанности больницы бывших приказа общественного призрения лежит освидетельствование и лечение проституток», и просил «организовать санитарную часть надзора за проституцией, <...> выработать инструкцию для руководства деятельностью врачей по санитарной части надзора» [3, л. 31]. 12 ноября 1909 г. врачебно-полицейский комитет обратился уже в Городскую управу с отсылкой к тому же циркуляру и просил «отвести помещение для осмотра одиночек и тайных проституток, присылаемых Комитетом; оборудовать это помещение всем необходимым для осмотра и амбулаторной помощи проституток, а также снабдить его прислугою; назначить врача для осмотра проституток» [4, л. 33об.].

23 января 1910 г. в помещении Городской управы обсуждался вопрос о том, что «для амбулаторного приема больных сифилисом женщин и для осмотра проституток необходимо особое помещение, состоящее из 2-х, а лучше из 3 комнат: комнаты для приходящих, в ожидании очереди осмотра, комнаты для осмотра приходящих и, по возможности, еще – врачебного кабинета для работ по ведению регистрации, для хранения инструментов, аптеки и, наконец, в случае необходимости сделать больным перевязку». Врачи признали недопустимым использование амбулаторного покоя при городской больнице для приема больных сифилисом и венерическими болезнями женщин и для осмотра проституток. «Во 1-х, осмотр больных сифилисом проституток вообще требует достаточного дневного света, а не искусственного освещения, а это возможно осенью и зимою только в дообеденные часы, т. е. как раз в то время, когда в городском амбулаторном отделении городской больничный врач производит прием больных. Во 2-х, осмотр проституток и специальный прием и лечение больных сифилисом и венерическими болезнями женщин в том амбулаторном помещении, где городской больничный врач ежедневно принимает больных, в значительной степени стесняли бы персонал больницы, а в особенности это обстоятельство было бы тягостно для молодежи и для женщин» [4, л. 36об.].

Это не означало отказа от проведения осмотров как таковых, речь шла о непригодности конкретного помещения. Финансовый вопрос также остался нерешенным: губернское земство соглашалось участвовать в расходах, но не определило их размера, а уездное земство от участия уклонилось [4, л. 36–37].

10 февраля 1910 г. на очередном совещании по вопросу об организации надзора за проституцией в Костроме врач А. В. Понизовский отметил, что амбулатория при городской больнице «не может быть использована для осмотра проституток», а отделенное помещение «необходимо больничному учреждению для изоляции заразных больных (рожа, сыпной тиф и др.)». Более того, «по воле жертвователей, на капитал которых содержится городская больница, последняя имеет строго определенное назначение – для хроников, а согласно инструкции, данной городской думой заведующему городской больницей, в последней не могут быть помещены сифилитики и душевнобольные». Выяснилось также, что «больница, начиная с этого времени (с 1905 г.), по неизвестной причине перестала направлять проституток для осмотра в губернскую земскую больницу, как это практиковалось раньше». Было решено «предложить полиции направлять проституток по-прежнему в губернскую земскую больницу для осмотра». Губернская земская управа согласилась участвовать в расходах «в размере 1000 руб.» [4, л. 38–39].

15 марта 1910 г. состоялось заседание Костромского городского врачебно-полицейского комитета под председательством губернатора П. П. Шиловского. Присутствовали: врачебный инспектор, его помощник, член городской управы, представитель военного ведомства, полицмейстер, военный врач, уездный врач, городовой врач и городской санитарный врач. Широкий состав отражал межведомственный характер надзора, соединявшего полицейскую, врачебную и военную части [4, л. 42].

Врачебный инспектор доложил, что надзор был по-прежнему основан на циркуляре 1851 г. и распределен между полицией и земскими больницами. Осмотры в Костроме производились в губернской земской больнице врачом, заведующим сифилитическим отделением, а в домах терпимости – городовым врачом. Действовала та же система, что и в середине XIX в., с минимальными изменениями. Количество зарегистрированных проституток не отвечало действительности, «а в особенности в фабричном районе, где число женщин вольного поведения значительно больше» [4, л. 42об.]. Это свидетельствовало о том, что официальная статистика не отражала реального положения.

На заседании обсудили провал учреждения санитарного бюро, причиной которого стал отказ уездной управы в его финансировании. Шиловский признал, что администрация «за неимением средств имеет возможность только осуществить врачебно-полицейский надзор, согласно циркуляру Министра 1851 года, который в настоящее время не может быть признан отвечающим современным требованиям и условиям жизни» [4, л. 43]. Это было открытым признанием устарелости системы, которую глава губернии представлял сам.

Губернатор предложил новую логику: предоставить общественным учреждениям агентов, которые бы «имели наблюдение и надзор за женщинами вольного поведения и применяли бы проституток к врачебным осмотрам не путем принудительным, а гуманно, – путем ознакомления женщин вольного поведения с целями регистрации и необходимостью врачебного надзора» [4, л. 43об.]. Предложенная модель означала отход от сугубо репрессивного подхода и попытку перейти к добровольному участию женщин в освидетельствованиях, хотя уклонение по-прежнему влекло ответственность по 44-й статье Устава о наказаниях.

Шиловский отметил, что борьба с распространением сифилиса и венерических болезней через проституцию не может вестись только административными средствами, и призвал перейти от прежнего чисто бюрократического порядка надзора к более отвечающему требованиям жизни [Там же, л. 43об.]. Это самоограничение властной компетенции было редким признанием бессилия исключительно полицейских мер.

Городской санитарный врач сослался на московскую санитарную комиссию, которая связывала надзор за проституцией с проблемой народного образования в империи. Губернатор не согласился с такой формулировкой: «откладывать этот вопрос до времени высокого развития страны не следует» [4, л. 43об.]. Здесь просматривалось столкновение просвещенческого подхода, отсрочивавшего решение до роста образования, и практического, требовавшего немедленных мер.

В итоге врачебно-полицейский комитет постановил обратиться к городским, губернским и уездным земским управам с предложением организовать санитарный надзор на условиях приглашения специального врача; устройства нескольких смотровых пунктов в разных частях города; приглашения особых агентов для наблюдения, предполагая добровольность осмотров, а в случае отказа – составления актов для привлечения к ответственности. Кроме того, были отклонены два прошения Щербаковых об открытии «домов свиданий» в д. Зимина на Набережной [4, л. 44об.].

17 июня 1910 г. совещание под председательством члена городской управы П. И. Кекина об организации надзора за проституцией в Костроме вернулось к прежним вопросам. Участники, настаивавшие на привлечении общественных учреждений, «не могли, однако, указать практически осуществимые мероприятия для достижения намеченной цели» [4, л. 48–48об.].

28 марта 1911 г. городская санитарно-техническая комиссия приняла решение устроить «бесплатный амбулаторный прием мужчин и женщин, больных венерическими болезнями», признав, что «в деле борьбы с распространением венерических болезней, помимо периодического осмотра проституток, важно лечить мужчин, разносящих заразу» [4, л. 52]. Лечебницу решили открыть «в фабричном районе города» и пригласить владельцев фабрик к участию в расходах. Была представлена смета: «Итого ежегодный расход 3300 р. и единовременный на оборудование лечебницы 300 р.» [4, л. 52об.]. Причисление к разряду проституток и освобождение от регистрации должны были производиться «исключительно по постановлению городского санитарного комитета» [4, л. 52об.]. Однако по вопросу об агентах, которые «выслеживали бы женщин, тайно промышляющих развратом, комиссия не могла высказаться в положительном смысле, не будучи в состоянии представить себе в настоящее время объем деятельности таковых агентов и целесообразность ее» [4, л. 53].

В 1911 г. Городская управа обратилась в Губернскую земскую управу с просьбой «не отказать уведомить ее, в какой сумме может быть принято участие Губернским Земством в расходах по содержанию означенной лечебницы» [4, л. 62]. Однако 8 февраля 1912 г. Уездная земская управа сообщила, что «в смету Уездного Земства не внесено никакой суммы на расходы по содержанию городской амбулатории для больных венерическими болезнями и для осмотра проституток» [4, л. 58]. Таким образом, учреждение не было открыто, так как уездное земство отказалось участвовать в его содержании.

Проблема оставалась нерешенной, и в 1915 г. 3 апреля 1915 г. старший врач 88-го пехотного запасного батальона обратился к костромскому полицмейстеру: «Ввиду участившихся случаев заболеваний венерическими болезнями нижних чинов вверенного мне батальона,

имею честь покорнейше просить о принятии надлежащих мер» [4, л. 64]. 9 апреля 1915 г. Врачебное отделение Костромского губернского правления препроводило его в Городскую управу, прося «сделать распоряжение о принятии санитарных мер для борьбы с венерическими болезнями в городе Костроме» [4, л. 63].

13 мая 1915 г. городская санитарно-техническая комиссия под председательством городского головы В. А. Шевалдышева обсудила «мероприятия для предупреждения распространения венерических болезней» и постановила «предоставить таковой осмотр врачам городским и земским в амбулаториях при городской и земских больницах», а «регистрацию проституток и наблюдение за тем, чтобы они не уклонялись от врачебного осмотра, – предоставить это заботам полиции» [4, л. 66–66об.]. Отдельно комиссия остановилась на заболеваниях среди военнослужащих: «Ввиду же участившихся случаев заболевания венерическими болезнями нижних чинов 88 пехотного запасного батальона, как об этом сообщает старший врач этого батальона, комиссия высказала пожелание, чтобы соответственной властью были приняты надлежащие меры относительно этих больных нижних чинов, с целью устранения всякой возможности передачи ими заразы женщинам и таким путем предупредить дальнейшее распространение венерических болезней». Конкретных мер лечения, изоляции и надзора комиссия не предусмотрела, ограничившись пожеланием, адресованным военному ведомству. К маю 1915 г. специального учреждения по-прежнему не существовало: осмотр проституток передавался врачам общих амбулаторий при больницах, а регистрация оставалась за полицией [4, л. 66об.].

Проституция в Костромской губернии во второй половине XIX – начале XX в. предстает явлением, устойчиво сохранявшим свои основные характеристики на протяжении более чем полувека. Преобладание одиночек над обитательницами домов терпимости, крестьянско-мещанский сословный состав, практически однородная национальная принадлежность, молодой возраст, низкий образовательный уровень и высокая степень заболеваемости венерическими болезнями – таковы постоянные черты, фиксируемые источниками на разных этапах.

Надзор за проституцией в губернии усилился в 1852 г. вследствие исполнения указа «О мерах Врачебной полиции против любострастной болезни». В январе 1904 г. предложение костромского губернатора привело к выработке проекта учреждения «Бюро для заведывания санитарной частью надзора за городской проституцией». Позднее было решено открыть специализированную лечебницу. Идеи остались нереализованными из-за проблем с финансированием и излишнего администрирования.

Губернское совещание 1909 г. констатировало слабость и даже фиктивность надзора. Костромской врачебно-полицейский комитет активно обсуждал вопросы регулирования проституции, взаимодействовал с различными общественными учреждениями. Протокол заседания 15 марта 1910 г. отразил критическое отношение местной власти к действовавшей системе регламентации, отметил неполноту учета и даже продемонстрировал попытку перейти к новой гуманной и добровольной модели надзора. При этом система врачебно-полицейского учета продолжила действовать в прежних формах.

Список литературы

1. ГАКО (Государственный архив Костромской области). Ф. 133. Оп. 2. Т. 9. Д. 12515.
2. ГАКО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 444.
3. ГАКО. Ф. 205. Оп. 4. Д. 415.
4. ГАКО. Ф. 207. Оп. 1. Д. 1008.
5. ГАКО. Ф. 281. Оп. 3. Д. 30.
6. ГАКО. Ф. 281. Оп. 2. Д. 825.
7. ГАКО. Ф. 281. Оп. 2. Д. 970.
8. ГАКО. Ф. 281. Оп. 2. Д. 1010.
9. *Зайончковский П. А.* Отмена крепостного права в России. М. : Просвещение, 1968. 368 с.
10. *Карандашев Г. В.* Регламентация проституции в Ярославской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник гуманитарного образования. 2025. № 4(40). С. 28–34.
11. *Нижник Н. С.* Деятельность врачебно-полицейских комитетов Министерства внутренних дел по осуществлению социального контроля над девиантным поведением в российском обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 2 (54). С. 11–18.
12. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Костромская губерния. СПб. : Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1903. XII, 265 с.
13. Проституция = La prostitution: по обследованию 1-го августа 1889 года. СПб. : Тип. Мин. внутр. дел, 1890. XXXVI, 85, 39 с.

Prostitution as a Social Phenomenon in the Kostroma Governorate: Everyday Practices and Public Perception (the Second Half of the 19th – Early 20th Century)

Karandashev Gleb Vladimirovich
PhD in History, associate professor, associate professor of the Department of National History,
Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky.
Russia, Yaroslavl. ORCID: 0000-0002-7499-9254. E-mail: karandashevg@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of the regulation of prostitution in the Kostroma Governorate in the second half of the 19th – early 20th century. Drawing on unpublished archival materials and statistical sources, the author reconstructs the number and composition of the women engaged in prostitution, the arrangement of the brothels, and the organization of medical and police supervision.

It is shown that the majority of the registered women were independent practitioners rather than employees of brothels; the estate composition was dominated by peasant women and townswomen. The category of the "public woman" was not only a stigma but also a legal status, fixed by the confiscation of the passport and by weekly medical examinations. A low level of education, an early age of entry into prostitution, and a high rate of infection with venereal diseases are noted.

Supervision of prostitution in the governorate was intensified in 1852 as a result of the implementation of the decree "On the Measures of the Medical Police against the Venereal Disease". Attempts to reform the medical part of the regulation system at the beginning of the 20th century were unsuccessful: the project of a sanitary bureau and of a specialized hospital remained unrealized because of funding problems. Various conferences periodically stated the weakness and even the fictitiousness of the supervision. The local authorities acknowledged that it did not correspond to contemporary requirements. Prostitution in the Kostroma Governorate appears as a socio-economic phenomenon: state registration distributed women into categories behind which stood particular destinies. At the same time, the system of supervision that had taken shape in the middle of the 19th century was preserved into the early 20th century as well.

Keywords: the Russian Empire, the Kostroma Governorate, prostitution, police, brothel.

References

1. SAKR (State Archive of the Kostroma Region). F. 133. Op. 2. T. 9. D. 12515.
2. SAKR. F. 204. Op. 1. D. 444.
3. SAKR. F. 205. Op. 4. D. 415.
4. SAKR. F. 207. Op. 1. D. 1008.
5. SAKR. F. 281. Op. 3. D. 30.
6. SAKR. F. 281. Op. 2. D. 825.
7. SAKR. F. 281. Op. 2. D. 970.
8. SAKR. F. 281. Op. 2. D. 1010.
9. *Zajonchkovskij P. A. Otmena krepostnogo prava v Rossii* [The Abolition of Serfdom in Russia]. M., Prosveshchenie (Enlightenment), 1968. 368 p.
10. *Karandashev G. V. Reglamentaciya prostitucii v Yaroslavskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.* [The Regulation of Prostitution in the Yaroslavl Governorate in the Second Half of the 19th – Early 20th Century] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* – Bulletin of Humanitarian Education. 2025. No. 4 (40). Pp. 28–34.
11. *Nizhnik N. S. Deyatel'nost' vrachebno-policejskih komitetov Ministerstva vnutrennih del po osushchestvleniyu social'nogo kontrolya nad deviantnym povedeniem v rossijskom obshchestve* [The Activities of the Medical and Police Committees of the Ministry of Internal Affairs in Exercising Social Control over Deviant Behavior in Russian Society] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* – Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 2 (54). Pp. 11–18.
12. *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g. Kostromskaya guberniya* [The First General Census of the Population of the Russian Empire of 1897. The Kostroma Governorate]. SPb., Izdanie Central'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennih del (Publication of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs), 1903. XII, 265 p.
13. *Prostituciya = La prostitution: po obsledovaniyu 1-go avgusta 1889 goda* [Prostitution = La prostitution: According to the Survey of August 1, 1889]. SPb., Tip. Min. vnutr. del (Printing House of the Ministry of Internal Affairs), 1890. XXXVI, 85, 39 p.

Поступила в редакцию: 30.09.2026
Принята к публикации: 28.10.2026